

С вновь обретенной свободой Салазар нарисовал оригинальную матрицу на листе линованной бумаги, украденном из портфеля дяди. Ему нужно было изучить чары, наложенные на дом. Зная о магии совсем немного, он применил пошаговый подход. Первая матрица, которую он создал, только запрашивала информацию у магических чар. Салазар осторожно положил светящуюся бумагу поверх письма. Заранее заряженное руническое поле замерцало и растеклось по стене, образовав круг вокруг письма. Он нахмурился, наблюдая, как оно продолжает вращаться без замедления. Спустя десять минут он сдался и позволил матрице делать своё дело. На следующее утро он нашёл бумагу, покрытую рунами, лежащей на полу. Салазар поднял её и направился в спальню, прихватив по дороге печенье. Омороза уже расположилась на его кровати, выставив её на всеобщее обозрение, как если бы это была её собственная. Она взглянула на него с недовольством, когда он подтолкнул её, и Салазар, поддавшись её взгляду, сел на пол. — Ты же понимаешь, что я подарил тебе это ожерелье не для того, чтобы ты украла мою кровать? Омороза лишь зевнула в ответ. Салазар закатил глаза и снова обратился к бумаге. Центр рунического поля пульсировал слабым светом, видимым только в темноте его маленькой комнаты. Он прикоснулся пальцем к этому месту, и информация хлынула в его разум. Это было не так много, как он надеялся. Чародей активно вытягивал магию из его ближайших кровных родственников и хранил её, готовясь к следующей атаке. Также он обнаружил плохо связанное заклинание наблюдения. Кто-то постоянно следил за состоянием защиты. Салазар задумался, откладывая бумагу. Кто-то присматривал за ним. Скорее всего, это был человек Дамблдора, но он сможет это подтвердить, когда научится читать письмо. Четырёхлетний ребёнок достал чистый лист бумаги, зажгёт факел и начал работать над следующей матрицей. Ему нужно было понять, как зачарование вытягивает магию из него и его немагических родственников. Теперь, когда он знал о заклинании наблюдения, неправильно привязанном к другому заклинанию, он мог провести более подробный анализ. Это заняло время — отчасти из-за сложности матриц, отчасти из-за его ещё незавершённой моторики. Четырёхлетним детям обычно не удаётся рисовать идеально ровные линии. Салазар тоже не умел этого в таком возрасте, но ему помогали линейки и края книг. Это не значит, что он не мечтал научиться каллиграфии; это был медленный процесс, требующий больше времени, чем он предполагал. К концу недели он получил ответы на свои вопросы, и они породили новые. Чародей оказался интересной штукой. Пока он воспринимал это место как свой дом, чары продолжали существовать. Они работали в двух направлениях. Во-первых, чары притягивали любую магию, направленную на его поиски, где бы он ни находился, и затем рассеивали её так, что человек на конце поисковой магии думал, будто она просто не удалась. Благодаря этому любой маг, намеревавшийся причинить Салазару вред, не мог его найти, если только тот не привлекал к себе внимание в его присутствии или если не знал, где он находится. Во-вторых, если кто-то с дурными намерениями всё же доберётся до Тисовой улицы, чары наложат защиту эквивалентную талисману «Заметить-не-заметить». Человек будет блуждать в случайных направлениях, но никогда не по кругу, что является общей слабостью заклинаний этого типа. Кроме того, заклинание скрывало любую определяющую информацию о районе, делая невозможным запомнить названия улиц или номера домов, чтобы определить, где он может оказаться. Это была гениальная задумка, хотя её исполнение оставляло желать лучшего. Чары были связаны с Салазаром его кровью. Чтобы наложить заклинание на его дом, он должен был принадлежать кровным родственникам, и хотя бы один из них должен был жить здесь с ним. Поддержание заклинания зависело от этих кровных союзов, так как они согласились на защиту ради Салазара. Технически единственным недостатком заклинания было то, что его должен был наложить кто-то, не живущий в поместье. То есть должен был быть кто-то, кто знал, где Салазар, и мог распространять информацию. С логикой возникала ещё одна слабость, и она беспокоила Салазара. Одно из основных правил магии заключалось в том, что, чтобы чары продержались, их нужно привязывать к магическому источнику. Именно поэтому он привязывал свои чары к зарядным руническим матрицам. Ровена использовала чары внутри других, чтобы получить похожий эффект в

спешке. Можно также задействовать проводящие материалы, такие как золото или алмазы, которые либо естественным образом собирают и хранят магию, либо могут сформироваться в круг для её генерации. Для самых важных заклинаний в Хогвартсе использовались рунические матрицы на алмазах, вырезанные золотом. Для менее значимой магии применялся кварц, что едва не обанкротило Ровену и стало одной из причин, по которым строительство замка заняло тринадцать лет. Салазар чувствовал, как в круге логики нарастает головная боль. Единственный способ сделать это, как он понимал, заключался в использовании жизни немагических существ. Однако ни Дадли, ни тетя Петунья не выглядели так, будто старели быстрее обычного. Это могло означать, что заклинатель либо не имел базовых знаний о чарах и действовал, не имея должной подготовки (но каким-то образом заставил магию работать), либо не заботился о последствиях своих действий. Такие заклинания требовали, чтобы взрослый пользователь магии был связан с ними. Это могло серьезно повредить развивающемуся магическому ядру. Он решил, что лучше выяснить все на собственном опыте, чем продолжать размышлять в уме. Салазар вышел из своей маленькой комнаты и бесшумно поднялся по лестнице. Заглянув во вторую спальню Дадли, он увидел беспорядок, который явно требовал уборки. Гостиная комната была закрыта и заперта двумя малышами, поэтому он толкнул дверь в настоящую спальню кузена. Маленький Дадли тихонько похрапывал в своей "взрослой" кровати. Салазар прошел мимо скрипучего пола, осторожно задвинув дверь почти до упора — чуть больше, и она бы скрипнула — и подкрался к дремлющему кузену. Дадли начинал выглядеть слишком полным. Возможно, пришло время прекратить излишнее угощение сладостями. С покачиванием головы он подумал, что с вредными привычками Дадли должны разбираться его родители. А обхват у Вернона и вовсе говорил о том, что это вряд ли возможно. Сосредоточившись на текущем вопросе, Салазар заметил, что в комнате не было никакой магии. Дадли и раньше не проявлял случайные магические способности рядом с ним, но сейчас не было никаких признаков, что это могло произойти, пока Салазар был занят своими делами. Ни тетя Петунья, ни дядя Вернон никогда не упоминали о такой возможности. Дадли вряд ли мог обладать магическими способностями. Салазар осторожно положил одну руку на лоб кузена, а другую — на грудь, над сердцем. Закрыв глаза, он сосредоточился на поиске магии. Затем он мягко ввел свою магию в тело Дадли, стремясь найти аналогичный источник магии, связанный с разумом, телом и душой мальчика. Магия направила его внимание на метафизическое «я» Дадли. Темнота его век искрилась от перемены света, когда он обнаружил то, чего не ожидал. Открыв глаза, он увидел бурлящий вихрь. Салазару стало плохо при виде разорванного ядра. Он никогда не сталкивался с таким раньше. Обскуры, когда дети подавляют свою магию от страха, встречались чаще, чем это. Это было совершенно иным. Это не было результатом действий Дадли с его магией. Что-то рвалось в сердцевине кузена, пока она не истончилась почти до нуля. В какой-то момент она была растянута настолько, что естественный круг магии разорвался. Дадли никогда бы не смог бы использовать магию, но он мог бы, если бы не этот разрыв. И была только одна вещь, которая регулярно воздействовала на ядро Дадли и могла такое причинить: защитное зачарование. Он отстранился от кузена и шагнул назад, чувствуя, как кислая желчь подступает к горлу. Салазар бросился к туалету, едва миновав дверь. Одно дело — знать, что можно уничтожить магические способности ребенка, задвинув их слишком далеко, и совсем другое — увидеть это. Особенно после того, как считал такую возможность крайне маловероятной и осознавал, что если бы только спохватился вовремя, мог бы предотвратить подобное. Позже, когда ему не удалось вздремнуть — слишком много мыслей, и его детская часть боялась последствий чары для его собственной магии — Салазар устался в потолок своего шкафа. Ему не хотелось, но он понимал, что должен взглянуть на свою тетю. Если у Дадли была магия, то почти наверняка подобные способности имела и тетя Петунья.